

Пролог

Из города к морю вели две дороги. Они тянулись к сосновым дюнам, песчаному светлому берегу и сизой воде. Она, эта стихия, могла быть и кротко журчащей, и беспощадно вздыбленной. Впервые Женя Пчелинцева увидела море в штиль, в тот момент, когда волна, словно тоненькая серебряная цепочка, тихо извивалась вдоль берега. Женя постояла на вершине дюны, вдохнула запах нагретой смолы, потом сбежала вниз, запинаясь ногами в прохладном песке. По дороге она скинула туфли и теперь, не раздумывая, ступила в воду. Вода оказалась холодной. Женя отступила. Контраст между палящим солнцем и ледяной водой был удивительным. «Да, поплавать не получится!» — подумала она и устроилась на песке.

Вокруг почти никого не было. Только вдалеке семья с собакой, на дюнах загорающий парень и у края моря дед, ворошащий палкой прибитые к берегу водоросли. «Ищет янтарь!» — подумала Женя. Было тихо, только слабый гул воды и крики чаек. Женя внимательно присмотрелась и заметила на горизонте кораблик. «Кто-то куда-

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

то плывет. В новые земли, к новым людям. А я уже приехала. Теперь буду здесь жить, — вздохнула Женя и тут же себя поправила: — Постараюсь здесь жить».

Жене Пчелинцевой было двадцать восемь лет. В город Дивноморск она приехала работать. Несколько месяцев назад ей позвонил руководитель ее диплома и сказал следующее:

— Пчелинцева, как вы знаете, я вас терпеть не могу. И только отлично выполненная вами дипломная работа как-то примирила меня с вашей полной анархией, помноженной на невиданное упрямство и несдержанность. Редкое сочетание...

Женя, все это слушая, улыбалась. Профессор Суржиков ее не любил, это верно. При этом Пчелинцева чувствовала, что в этой нелюбви было больше педагогического протеста против студенческого своеволия, а не чего-то личного. Жене даже иногда казалось, что профессору нравятся ее поступки, он их одобряет, но не может этого показать в силу профессиональной этики. Действительно, если одобрить участие своей студентки в университетском эротическо-политическом календаре, то что же будет?! Все побегут сниматься нагишом с плакатами в руках. При этом Суржиков видел, что Пчелинцева и лозунг умный себе придумала, и вид имела почти целомудренный, хотя и были на ней только высоченные «шпильки». Еще Женя помнила свой доклад о деятелях

Босиком по краю моря

французской буржуазной революции и собственные смелые рассуждения о ее влиянии на русскую интеллигенцию. «Да не было никакой такой интеллигенции! — бросила тогда Женя. — Нельзя считать, что мизерные проценты от всего населения крестьянской России — это интеллигенция! Ах, если бы у нас состоялась настоящая буржуазная революция! Если бы мы прошли этот путь целиком! Вот тогда была бы страна!» Пчелинцева помнила, как эта ее фраза вызвала бурю эмоций у однокурсников. Кто-то стал что-то доказывать, но Женя коротко и пренебрежительно парировала, не вдаваясь в долгие объяснения. Все, что хотела, она уже сказала и была горда собой. Позднее Суржиков вызвал Женю на разговор, но, к ее удивлению, не сделал замечание по сути, а только произнес:

— Когда полемизируете, старайтесь быть вежливой. Сегодняшний диспут приобрел оттенок базара. И только благодаря вам.

— Но что с ними спорить, они же меня даже не понимают!!! — воскликнула Женя.

Суржиков резко к ней повернулся:

— Ваша точка зрения — это не открытие Америки. Очень многие так думают. Я бы сказал, что это распространенное мнение.

— Что же вы меня не остановили? — фыркнула Женя.

— Мне надо было посмотреть, кто из слушателей выскажет что-нибудь оригинальное.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

Пчелинцева осеклась — она вдруг поняла, что интересны были не ее высказывания, а те, кто ее слушал. Она же стала просто частью исследовательского механизма. Как лампочка в опытах Павлова. Расстались они с профессором Суржиковым сурово. Женя считала, что руководитель необъективно оценил ее дипломную работу. Конечно, он поставил ей «отлично», но это было формальное признание, а Жене хотелось, чтобы при обсуждении Вадим Леонидович произнес что-то типа: «Ваша точка зрения необычна. Но вы меня убедили. Я не соглашался с вами, но ваши рассуждения заставили меня пересмотреть свою позицию». Но нет, Суржиков поставил «отлично», ничего не приписал, на словах ничего не сказал. Словно не было двухгодичной полемики относительно того, как глобальная интернет-сеть влияет на телевидение и каковы в этой ситуации перспективы развития обратной связи с потребителем информации. Именно так, несколько громоздко, была обозначена тема Жениной дипломной работы. Кто-то ей сказал, что тема вполне тянет на диссертацию, Пчелинцева загордилась и ждала похвалы от Суржикова. Но он, как было уже сказано, промолчал. После окончания университета Женя работала в одной из компаний, которая производила продукцию для телеканалов — документальные и просветительского толка фильмы и передачи. Работа ей нравилась — вернее, ей полюбилась свобода, которая насту-

Босиком по краю моря

пила после университетской гонки. Ведь еще студенткой она подрабатывала. А, учитывая, что ей надо было обязательно получать повышенную стипендию, часов в сутках не хватало. На работе появилось время для отдыха, а затем и для спокойного дополнительного заработка. Через год после начала работы Женя поняла, что карьерного роста не будет. Она как-то заглянула в университет на кафедру и, встретив там Суржикова, обмолвилась:

— Ищу работу. С перспективой.

Она сказала это просто так. Без всякого умысла. И вот спустя много месяцев раздался этот звонок. Ее бывший преподаватель предлагал ей работу:

— Так вот, повторюсь, ваша точка зрения на многие профессиональные аспекты мне не близка. Но вы умны и умеете трудиться. А еще мой бывший выпускник нуждается в своей команде. Настоящей команде. Поэтому я рекомендовал ему вас. Мой совет, не поленитесь, поезжайте на встречу. Переговорите с ним. Вдруг это то, что вам надо... Если, конечно, еще ничего стоящего не нашли.

— Вадим Леонидович, — у Пчелинцевой даже голос сел, — спасибо... Конечно, я поеду, скажите только, куда? Адрес?

— А, адрес? — Что-то новое появилось в интонации Суржикова. — Адрес простой. Город Дивноморск, Липовый бульвар, дом 15.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Простите? — растерялась Женя.

— Да, да, это не Москва. Это город Дивно-морск. Когда люди называли его так, они не врали. Дивный город и прекрасное море. И край исторический. Эти земли раньше принадлежали...

— Я знаю, — с досадой, невежливо перебила его Женя, — но это же из Москвы надо уехать?

— Боюсь, работать на местном телевидении и жить в Москве у вас не получится. А вы не представляете, как это меняет положение вещей. И еще. Там создается новая структура. Серьезная и перспективная в государственном масштабе. Как известно, лучше всего карьеру строить или на закате, или на рассвете. Фигурально выражаясь, понятное дело... Еще раз советую — не пренебрегайте. Там не Москва, но и жизнь там не столичная. Совсем другая. Со своими прелестями. И со своими проблемами. Но там есть море.

В голосе Суржикова послышалась тоска.

— А вы бы на моем месте поехали? — вдруг спросила Женя.

— Побежал бы. Пешком, за вагоном, — не задумываясь, сказал Вадим Леонидович.

— А может, вам...

— Не смешите меня, — сухо ответил Суржиков, — куда я поеду?! У меня кафедра, ученый совет, диссертанты, нет времени статью написать...

— Жаль, — искренне сказала Пчелинцева и вдруг ощутила прилив радости. У нее не было кафедры и ученого совета, она могла поехать хоть

Босиком по краю моря

на край земли. Вот прямо сейчас, сию минуту, как только закончит разговор с профессором.

— Я согласна. И я выезжаю на встречу. Диктуйте контактные телефоны.

Через пять дней Женя прилетела в Дивноморск. Три часа у нее ушло на все переговоры, знакомства и уточнение деталей. Вечером она вернулась в Москву, в сумке у нее лежал договор — ее брали на работу во вновь создающуюся структуру Центрального телевидения. Это структура, которую все называли Агентство, должна была вещать на западный регион и базировалась в Дивноморске. Она позвонила Суржикову:

— Вадим Леонидович, спасибо вам. Меня берут, и договор у меня на руках. Я даже не знаю, как вас благодарить!

— Не благодарите. Как-нибудь привезете мне копченого угря. Только там они такие вкусные...

— Господи, да если бы знала, да я бы сегодня...

— Пчелинцева, успокойтесь. Я пошутил. Ничего не надо. Даже угря. Я там бываю иногда, по делам. Сам все покупаю. Удачи!

Женя попросилась со смешанным чувством — это была благодарность, признательность, уважение. И что-то еще, похожее на отношение к родителям — теплое, щемящее. «Он же совсем не старый. Он самый молодой профессор на три крупнейших университета. Об этом все говорили. Он же такой умный, интересный, энергичный... Почему же мне его жаль?..» — думала она.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

Родители ее отъездом были огорчены. Женя знала, что с ними предстоит сложный разговор — они всегда очень гордились дочерью, сделали на нее ставку, и объяснить им, почему она должна ехать работать в Дивноморск, будет несложно. Но то, что они будут тосковать и волноваться, было очевидно.

Мать Жени, Татьяна Владимировна, заведовала почтовым отделением в Центральном округе Москвы. Образование у нее было высшее педагогическое, но в девяностые работать в школе стало невозможно — уроки срывали потерявшие берега великовозрастные ученики, платили мало, и решено было, что будет лучше, если она большую часть времени станет уделять воспитанию дочери. Но денег не хватало, и работать все же пришлось — рано утром и вечером Татьяна Владимировна ходила сортировать корреспонденцию. В те времена и почта работала отвратительно, но люди все равно писали письма и отправляли посылки. Работала Татьяна Владимировна хорошо, как-то незаметно стала сотрудником незаменимым и в конце концов получила пост начальника.

Ни тогда, когда она, педагог-математик, уходила из школы, ни позже, когда в перчатках-митенках без пальцев швыряла посылки, ни заняв тесный кабинетик в своем отделении связи, Татьяна Владимировна ни на минуту не забывала своей главной цели — воспитать дочь самостоятельной, умной и дать ей самое лучшее образование. Все усилия семьи были направлены на это.

Босиком по краю моря

Отец Жени, Илья Петрович, был слесарем. Как потом шутили в семье, он работал, как «Гоша (он же — Гога)», в физическом институте на Ленинском проспекте. Он как раз был тем, без кого ни одна диссертация не состоялась бы, поскольку установки и опытные приборы ваялись в институтских мастерских. С появлением фильма «Москва слезам не верит» специализация Ильи Петровича получила невероятную статусность и признание далекой от научно-исследовательских реалий публики. При всей своей занятости и некоторой отстраненности от педагогических процессов, Илья Петрович всецело поддерживал жену в ее движении к цели.

— Дочь, — как-то сказал он Жене-восьмикласснице, — я посмотрелся на ученых людей. По-разному науку делают, по-разному живут. Но одно могу сказать: без этого человек — не человек. Так, калека. Поэтому все побоку, и в университет. Хочешь математиком, хочешь историком. Занимайся тем, к чему душа лежит, но образование высшее должно быть, и заниматься в университете надо на «отлично».

Женя родительские установки приняла безоговорочно.

— Папа, я пойду на факультет журналистики, — сказала она отцу.

Илья Петрович охнул про себя — газет в прошлом их понимании уже не было, журналы читать было нельзя.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Папа, я хочу телевизионным журналистом быть. На телевидении работать, — упрямо сказала Женя.

— Ах, ну, это другое дело! — как бы с облегчением выдохнул Илья Петрович и тут же добавил: — А может, все-таки врачом? Всегда будет работа...

— Папа, я не хочу быть врачом. И не буду.

— Что же это за профессия — журналист?

— Отличная профессия — формирует общественное мнение и действует на умы людей, — отбарабанила Женя.

— Ну, если на умы... — развел руками отец.

«А что, дочка красавицей становится, почему бы и не телевидение? — подумал он. — Лишь бы не выскочила замуж раньше времени, главное — учеба и профессия. Тем более ее не переспорить».

А Женя Пчелинцева тем временем сходила к логопеду, пожаловалась на плохое произношение звуков «л» и «в», получила рекомендации, а затем записалась на курсы по постановке дикции. «Уж если работать, то качественно, чтобы без каши во рту», — думала она. Кстати, это был очень дальновидный шаг — в качестве подработки два раза в неделю Женя вела малюсенькую передачу на одной из радиостанций. Ее голос уже знали — дикция была совершенно безупречной, стиль разговора свободный, уверенный.

Теперь, когда Женя сообщила о своем решении уехать в Дивноморск, дома случилась ссора.

Босиком по краю моря

— Как можно уезжать из Москвы?! — воскликнула мать. — В самом начале карьеры?! Когда все закладывается — опыт, практика, знакомства, связи... Как это можно себе позволить? Ты же себя лет на пять назад отбросишь. Твое место в Москве займут те, кто из этого самого Дивноморска сюда стремится.

— Дочка, я тебя понимаю, там ты принцессой будешь. Из Москвы, после университета, там легко принцессой стать. Но короли и королевы сидят в столицах! Ты что же, потом приедешь и будешь все заново начинать? Ты сама посуди! — вторил отец. — Но, конечно, ты взрослый человек, тебе виднее, — мудро заметил он, зная донельзя упрямый характер дочери.

Женя впервые за все время задумалась — родители посмотрели на проблему с самой простой житейской стороны. Их опасения имели под собой почву. Пчелинцева вдруг представила, как она, отработав лет пять, возвращается в Москву. А в Москве свои «расклады», здесь ее не будут ждать, как сейчас в Дивноморске. «Что же делать? С одной стороны, мне хочется уехать. Вообще все бросить и уехать. Чтобы все другое — город, улицы, люди и отношения. Говорят, что после Питера и Москвы в других городах жить невозможно. Но мне совсем немного лет, чтобы отказываться от такого опыта. Когда еще, как не теперь?! Или буду я сидеть в теперешней своей конторе в этой же должности еще лет пять. Или буду прыгать с места на место в на-

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

дежде, что меня когда-нибудь допустят в эфир. Господи, как же хочется попробовать совсем другого», — думала она, ворочаясь в постели.

Наутро она встала с готовым решением.

— Ну что, Женечка, подумала обо всем? — ласково спросила мать, глядя на спокойное лицо дочери.

— Да, мама, сегодня куплю билеты. Думаю, что недели мне на сборы хватит. На работе меня оформят переводом. Ни дня не потеряю, — ответила Женя.

Татьяна Владимировна вдруг вспомнила историю детских лет. Когда Жене было лет шесть, она стала замечать, что во всем доме надорваны обои. Когда это явление приняло просто угрожающие масштабы, родители призвали дочь и спросили:

— Женя, скажи, зачем ты во всем доме рвешь обои? Причем не просто чуть-чуть, кусочек, а основательно, лоскутами?

Ответа родители не получили, дочь поджимала губы и молчала. Обои еще некоторое время страдали, потом все прекратилось.

Прошло лет пять, пока однажды мать не спросила уже повзрослевшую дочь:

— Женя, ты хоть сейчас скажи, зачем ты во всем доме обои рвала?

И Женя ответила:

— Я газеты читала. Те, старые, которые под обоями были наклеены. Знаешь, очень интересно было. Потом, я же тогда только читать научилась!

Босиком по краю моря

Татьяна Владимировна всплеснула руками:

— Что ж ты раньше не сказала? Мы же хотели тебя к врачу вести! Шутка ли сказать, все стены изорваны в клочья!

— Я не хотела говорить. Вы бы не поняли меня.

Татьяна Владимировна мысленно согласилась с дочерью и еще раз удивилась ее выдержке и упрямству.

Поэтому положив руку на сердце окончательному решению дочери уехать в Дивноморск Татьяна Владимировна не удивилась.

Но был еще один человек, который страстно не желал отъезда Пчелинцевой. Это был Андрей Корольков.

С Корольковым Женю связывала отчасти учеба — Андрей был на два курса старше, и познакомились они на факультете. И еще их связывали достаточно длительные близкие отношения, которые к моменту принятия судьбоносного решения практически сошли на нет. И Женя отчетливо это понимала, и сам Корольков. Только последний, с одной стороны, не хотел с этим мириться, а с другой — не предпринимал никаких усилий, чтобы реанимировать их. Такая позиция бесила Женю.

Раз в неделю они встречались попить кофе, и каждый раз Корольков обвинял Пчелинцеву в том, что она разрушила их отношения.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Ты сама все устроила, ты все время врешь, что занята, а на деле то с подружками, то какой-то ерундой занимаешься... — начинал привычный разговор Корольков.

Поначалу Женя очень обижалась и принималась совершенно серьезно доказывать, что виноват как раз он, Корольков. Это он менял планы, не считаясь с ее учебой, работой, заботой о родителях и имеющимся у нее свободным временем. Корольков как бы слушал ее, но не слышал. Теперь они ссорились не из-за того, что кто-то предпочитает заниматься своими делами, а потому, что они не могут друг с другом разговаривать. И однажды Женя спокойно согласилась:

— Да, мне важнее мои дела, чем встречи с тобой. Ты совершенно прав.

Корольков опешил и следующие три недели усиленно оказывал Жене знаки внимания, ни разу не опоздал и не нарушил своих обещаний. Но было поздно — Женя стала равнодушной и к вниманию, и к невниманию. Они продолжали общаться, пикируясь, как и целуясь, скорее по привычке. Но никто не ожидал, что Корольков ТАК воспримет известие о ее отъезде. Когда Пчелинцева объявила о своем решении и показала билеты, в доме Королькова были разбиты два стакана и пепельница. Женя сделала круглые глаза, потом прислушалась к тому, что язвительно шипел бывший любовник, и ушла, громко хлоп-

Босиком по краю моря

нув дверью. Позже Корольков звонил и извинялся, потом ждал ее у работы и тоже просил прощения, даже говорил что-то о любви, но Женя твердо сказала:

— Все. Решено, я уезжаю в Дивноморск работать. Это сейчас главное для меня. И потом, я не могу подвести людей, которые на меня рассчитывают.

— О да, людей ты не можешь подвести. Зато вот так со мной поступить...

— Да как?! — не выдержала Женя. — У нас нет отношений! Давно. Мы живем по-разному и даже не согласовываем наше существование! Как ты можешь на что-то обижаться или чего-то требовать от меня!

— Какая же ты дура! — с пафосом произнес Корольков.

— Непроходимая, — подтвердила Пчелинцева, имея в виду совершенно иное, чем разъяренный Андрей.

Расстались они тихо.

Недели на сборы хватило. Татьяна Владимировна вдруг спохватилась, оценила ситуацию и страшно заволновалась — дочери предстояло жить одной, своим хозяйством. И если за нравственный облик Жени мама не волновалась — воспитание было прочным, то вот о полноценных обедах, горячем супе и теплой шапке на голове явно стоило побеспокоиться.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Я тебе положу кастрюльку, маленькую, синюю. И еще нож хороший. И возьми шапку меховую. Там сильные ветры.

Женя слушала, и ей хватило ума не спорить — она понимала, что это самое малое, что она может сейчас сделать для обеспокоенных родителей. Пчелинцева послушно положила шапку, кастрюльку, ножи и даже собственноручно собранную мамой аптечку.

— Ты не переживай, я буду писать, и с видеосвязью теперь нет никаких проблем. Можно считать, что и не уезжала. Потом вы ко мне в гости сможете приехать. Чем плохо — отдохнете от Москвы. А жить я буду в нормальной квартире. Ее оплачивает работодатель. Они в плохом месте не поселят меня. Адрес сразу же сообщу!

Татьяна Владимировна кивала, но чувствовалось, что беспокойство не покидает ее. На вокзале вдруг покраснел лицом Илья Петрович:

— Женя, веди там себя правильно. Красивая девушка должна быть строгой.

— Папа, я тебя поняла, не волнуйся.

Женя не стала отцу напоминать, что она с третьего курса встречается с Андреем Корольковым и можно было давно догадаться о совсем не платонических отношениях между ними.

На вокзал поехали все втроем, хотя Жене хотелось в этот момент быть одной. Во-первых, жалко было переживающих родителей, во-вторых, родственная суета нет-нет да и напо-

Босиком по краю моря

нит о сомнениях, которые все же были спрятаны в душе.

— Ты смотри, поезд в Париж идет! — сказал Илья Петрович, указывая на соседний перрон.

— А здорово сесть и покатить через все страны, глядя в окно, — вздохнула Татьяна Владимировна.

— Родители, заработаю денег, первым делом отправлю вас в хорошее путешествие. Хватит вам в Турцию мотаться, надо и остальной мир посмотреть, — сказала Женя.

— Не волнуйся, успеется. — Мама как-то так вздохнула, и Женя испугалась, что она сейчас заплачет. И в этот момент она увидела Суржикова. Вадим Леонидович, кого-то выискивая, шел быстрым шагом вдоль по перрону. «Что он здесь делает?!» — изумилась про себя Женя и вдруг вспомнила, что сама ему рассказала про билеты и точную дату отъезда.

— Пчелинцева! — Суржиков заметил ее и подошел. — Я думал, не успею вас проводить.

Женя краем глаза увидела, как изменились в лице родители.

— Мама, папа, познакомьтесь! Это мой преподаватель, профессор нашего университета, Вадим Леонидович.

— Очень приятно, — улыбнулась мать, — я — Татьяна Владимировна.

— А я отец этой барышни, меня зовут Илья Петрович. — Отец подал руку Суржикову.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Очень приятно, — отвечал тот, и на лице его появилась растерянность. Женя кинулась спасать положение:

— Вадим Леонидович, вы не беспокойтесь, я все поняла. Буду внимательна. Если понадобится ваш совет, можно ли позвонить?..

Суржиков как-то оторопело взглянул на нее и ответил:

— Да, разумеется, я вот это и хотел вам сказать...

— Дочка, мы пойдем! — Мать сделала шаг вперед. — Вы извините, нам надо ехать.

— Да, Евгения, береги себя! Пиши и звони! — Отец солидно поклонился Суржинову, и родители ушли.

— Я вам помешал? — Суржиков виновато посмотрел на Пчелинцеву.

— Что вы! Мы уже все другу другу сказали! Попрощались. И потом, даже лучше, что они ушли. Переживают, а как увидят, что поезд уходит, так еще больше расстроятся.

— Я не хотел... Я, собственно, был неподалеку, тут же есть гуманитарный университет, там мой выпускник... Одним словом, вспомнил, что вы сегодня уезжаете. Смотрю, успею еще. Вроде я вас в эту авантюру втравил...

— Какая же это авантюра! Это отличное предложение, — горячо сказала Женя, — и я благодарна вам. И не беспокойтесь, я вас не подведу. Понимаю, вы меня рекомендовали.

Босиком по краю моря

Ответить Суржиков не успел, потому что рядом с Женей выросла длинная фигура.

— Ты еще не уехала? — спросила фигура у Жени так, словно Суржикова рядом и вовсе не было.

— Как видишь, Андрюша, — рассмеялась Женя и добавила, обращаясь к Вадиму Леонидовичу: — знакомьтесь, Андрей Корольков, мой друг.

— Очень приятно. Вадим Леонидович. Но мы, кажется, встречались? — наклонил голову Суржиков.

Корольков молча посмотрел на него, Пчелинцева чуть было не хихикнула вслух. Ситуация все больше походила на водевиль. И точно так же, как несколько минут назад спешно удалились родители, теперь засобиравлся Суржиков.

— Евгения Ильинична, если будут какие-то проблемы, пожалуйста, сразу связывайтесь со мной. С нами... — Вадим Леонидович поперхнулся, — с кафедрой. Вам любой поможет!

— Конечно, обязательно свяжусь. Если что... — заверила его Женя.

Когда Суржиков удалился, Корольков буркнул:

— Вот я всегда говорил, что у нас на факультете клоуны преподают!

— Брось! Суржиков самый классный преподаватель в универе. Да и известен он не только у нас. Вон, его в Канаду приглашали читать лекции.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Что ж не поехал?

— Ну, откуда я знаю, — пожала плечами Женя.

— То-то и оно... — Корольков мрачно посмотрел на Женю. — Все-таки едешь!

— Андрюша, я даже сердиться не могу на тебя, хотя несколько дней назад ты вел себя безобразно.

— Сама виновата...

— Опять? Опять ты начинаешь ругаться! — рассмеялась Пчелинцева. Она уже не боялась разрыва. Уже все они выяснили, а ее отъезд станет естественным концом их непростых отношений.

— Ладно, вот тебе на дорогу. — Корольков протянул маленький сверток.

— Что это?

— Как что? Сушеные фрукты, немного цукатов и орешки. В поезде чтобы не очень скучала.

— Спасибо, я действительно это очень люблю!

— Я это помню. — Корольков чмокнул ее в лоб, развернулся и тут же исчез в толпе провожающих.

«Интересно, с чего это они сюда сегодня явились? И Суржиков, и Корольков», — подумала Женя, но тут объявили, что до отхода поезда осталось пять минут, и Женя вошла в вагон.

Женя вздохнула с облегчением, когда поезд отошел от перрона. Ее отъезд оказался каким-то беспокойным и хлопотным. Одно дело успокаивать родителей, другое — неожиданных провожающих. Ни Суржикова, ни Королькова она не ожидала здесь увидеть. «Ну, Суржиков понятно,

Босиком по краю моря

у него там знакомые, боится подвести их. Наверное, хотел еще наставления какие-то дать... Но родители были... А потом и Корольков заявился. Этому-то что надо... Господи, быстрее бы уже уехать!» — думала Женя.

А ее соседи по купе уже разместили свой багаж и разбрелись кто куда — в вагон-ресторан, в душ, просто постоять у окна в качающемся вагоне. И теперь, оставшись одна в купе, Женя поняла, что уехала из дома надолго. И это «уехала из дома» означало многое — и родителей, и дом, обычную панельную двенадцатиэтажку, и подруг, и буйного Королькова, и работу, где все с недоумением встретили ее решение. Женя только сейчас поняла, что жизнь может быть очень подвижной, несмотря на кажущуюся устойчивость и прочность. Она не почувствовала страха, было только немного жаль родителей и подумалось о Суржикове, о том, что он человек деликатный и очень внимательный. Собственно, этими мыслями она попрощалась с Москвой.

Попутчики ей попались спокойные — две пенсионерки, ехавшие по собесовским путевкам на море, и средних лет господин, у которого, по его словам, была «пара пустячных дел» в Дивноморске. Пенсионерки с расспросами не приставали, тихо обсуждали кого-то из знакомых, а господин решил завести беседу с Женей.

— В отпуск? — вежливо осведомился он.

— Наоборот, на работу.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Ах, в Москве в отпуске были?

— Нет, я сама из Москвы, а работать буду в Дивноморске, — решила подробно объяснить ситуацию Женя.

— Господи, а так бывает? Что там может делать москвичка?! Понимаете, это же глубокая провинция, даром что исторические корни у нее немецкие. Так и при немцах это была сельскохозяйственная глубинка. Мясо, молоко и все такое... Ну, рыбу ловили — море.

— И что? — удивилась Женя. Вернее, она поняла, что имел в виду попутчик, но ей хотелось, чтобы тот прямо высказал свое отношение к такому решению.

— Позвольте, а что, там работы нет? Или работать там не надо? Или люди, которые живут в этом городе, не заслуживают качественной жизни?

— Ну что вы с такой демагогией... Все мы знаем, что у нас можно жить только в столичных городах. А в остальных местах...

— А что в остальных местах?

— Проездом, только проездом, — хохотнул господин.

Женя посмотрела на него и спросила:

— А вы сами-то откуда едете?

— Из Москвы, — все так же весело отозвался попутчик, — но из этого Дивноморска сбежал десять лет назад. Как тухло стало, так я и понял, что ехать надо. И вот теперь я в Москве, а туда так, редким случаем, что-то порешать.

Босиком по краю моря

— Ясно, — кивнула головой Женя.

Действительно, все ясно — «столицотая» история такого плана. Но сейчас Женя была задета. Не столько стало обидно за провинциальные города, сколько захотелось объяснить собственное решение.

— Понимаете, я считаю, что жизнь должна быть на уровне везде.

— Так кто же с этим спорит?! — перебил ее попутчик. — Только на деле так не получается!

— Так это от вас зависит. Вот не сбежали бы вы, может, и магазин там хороший еще один был, булочная, мастерская какая-нибудь. Или на верфи работали бы.

— Вы очень молоды и наивны, — насмешливо протянул господин, — вы меня вспомните. И слова мои.

— Конечно, вспомню! Скажу больше, я вас никогда не забуду, — со скрытым значением произнесла Пчелинцева.

На протяжении почти всего своего пути в Дивноморск Женя составляла планы, писала концепции и релизы — она готовилась к новой работе серьезно и тщательно.

Дивноморск

Вокзал был тщательно восстановленным. Красный кирпич, стрельчатые окна, арки центрального входа — все напоминало о той эпохе, когда город был чужим. Женя прошла по переходу и вышла на центральную площадь. Там она нос к носу столкнулась с господином из купе. Как он опередил ее, было не очень понятно.

— Если вам в центр, вот там автобусы останавливаются. А если на побережье — это дальше, на автовокзал.

— Мне... — растерялась на минуту Женя, и тут к ней подошла девушка.

— Евгения Ильинична, меня зовут Ирина. Я за вами. Машина на парковке, это буквально пять минут ходьбы.

— Спасибо, но как вы меня узнали?! — воскликнула Женя.

— Я вас видела, когда вы договор подписывали.

— Понятно, — солидно кивнула Женя.

Она заметила, как удивился наблюдающий за ними господин из купе. «Ага, вот тебе. Меня

Босиком по краю моря

встречают и Евгенией Ильиничной зовут!» — подумала Пчелинцева и тут же хихикнула.

— Что? — повернулась к ней девушка.

— Так просто, настроение хорошее, — успокоила ее Женя.

Ехали недолго, и город Женя не смогла разглядеть. Заметила только серые и скучные построй-ки семидесятых годов, разбавленные небольшими домиками, характерными для старого немецкого городка.

— Вот, мы приехали. — Ира ловко припарковала машину, и они вышли на широкой улице, почти напротив был вход в зоопарк.

— Здорово! Схожу обязательно! — Женя указала на фигуру медведя над воротами.

— Сходите. Все хвалят. Мы вас пока поселили в квартире. А чуть позже вы сможете переехать на море. Если же вас это не устроит, останетесь здесь.

Женя вспомнила слова Суржикова про море.

— Море — это здорово. Я даже не думала, что это возможно — жить рядом с морем.

— Почему же? Это еще и удобно. Вы же не знаете, что наш офис теперь находится не в городе, а как раз на полпути к морю. Поэтому все зоны есть поселиться на побережье.

Пока же Женино жильё находилось в старом немецком доме, в котором был один подъезд на три этажа и пять квартир. Еще имелся маленький палисадник, где под лиственницей стояла скамеечка.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Ваша квартира на втором этаже. Окна выходят прямо на проспект. Немного шумно...

— Что вы! Я всего этого не слышу. Засыпаю быстро, работаю в наушниках. Все замечательно! — отозвалась Женя, оглядывая свое жилище.

Квартира была маленькой — одна комната с французским балконом, кухонька, санузел с узким оконцем и прихожая. «Размером со свиной пяточок», — отметила про себя Женя. Ее, в общем-то, не смутили размеры, главное, что в квартире чисто и сделан недорогой ремонт.

— Отлично, мне все так нравится!

— Вам просили передать, что завтра в девять надо быть в офисе. Вас познакомят с коллективом... Правда, нашего главного пока нет. Он уехал по своим делам в Софию, — Ира махнула рукой, — ну, как раз у вас будет время войти в курс дела. Думаю, недели две пройдет, прежде чем Олег Тимофеевич вернется. Так что не торопитесь все сразу запомнить!

— Я вас поняла, спасибо, что встретили.

— А мы обычно своих новых сотрудников не встречаем. Но тут, говорят, из Москвы звонили, просили позаботиться. И Бояров, наш шеф, лично следит, чтобы вы устроились хорошо!

— О! — протянула Женя. Она поняла, что звонил Суржиков, но виду не подала. Пусть думают, что к ней всегда и везде так относятся. «Мне всегда не хватало солидности. Просто девчонка какая-то. Вот теперь буду тренироваться», — подумала она.

Босиком по краю моря

Когда за Ирой закрылась дверь, Женя побродила по квартире, заглянула во все ящики и шкафы, потом подошла к зеркалу. Увидела в нем себя, усталую и немного растрепанную.

Женя Пчелинцева была красивой девушкой. Мама Жени всегда добавляла: «но на любителя». Так она старалась уберечь подрастающую дочь от зазнайства. Да, гордиться Жене было чем — темные глаза, густые волнистые волосы и стройная фигура. Вообще-то Женя была не стройной, а худой. Даже очень худой. И особенно недоброжелательные девицы из ее окружения даже звали ее Щепкой. Но то была зависть чистой воды. Несмотря на выступающие ключицы, острые коленки и локти, Женя обладала вполне заметными женскими формами. В школе она собирала волосы в хвостик, в институте сделала себе очень короткую стрижку. И вот тут ее «просто» темные глаза превратились в выразительные очи-вишни, появилась длинная красивая шея, и профиль обращал внимание своим изяществом. Женя, считавшая себя симпатичной, обнаружила, что ее считают чуть ли не первой красавицей курса. Такая слава была приятна, но слегка путала карты. Устремления Пчелинцевой были грандиозны — она хотела делать карьеру, а красивое лицо слегка принижало все победы. В такой ситуации она выбрала совершенно определенный стиль поведения — стала резкой, колкой, недружелюбной. Заподозрить ее

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

в использовании внешности было сложно. Вскоре не было человека на курсе, который не считал бы Пчелинцеву злобной стервой. Это очень устраивало Женю. Теперь можно было смело двигаться вперед.

Итак, в зеркале, висевшем на стене в этой маленькой квартирке, отразилась красивая, но немного уставшая молодая женщина. В этом небольшом городе, на берегу холодного моря, она начинала новую жизнь. Какая эта жизнь будет и куда приведет этот путь — никто не мог знать. Одно только становилось ясным — сам шаг в неизвестном направлении уже был победой над рутинной, привычкой, внутренними сомнениями в собственных силах. Один этот шаг уже был результатом. Женя скептически посмотрела на себя, потом вздохнула, а после решила, что здесь, в Дивноморске, она не собирается притворяться. Тут она должна быть красивой, энергичной и даже... доброй. «С этим сложнее всего!» — хмыкнула про себя Женя.

Она вынула из чемодана самые необходимые вещи, развесила на плечиках костюм и отправилась смотреть город. «Заодно зайду в какой-нибудь салон и приведу в порядок лицо. Все же завтра первый рабочий день на новом месте», — решила она.

Хорошо, что в Дивноморск Женя приехала летом, когда длинные жаркие дни, теплые ночи, мало дождей и ветер не такой шквальный, каким

Босиком по краю моря

бывает в остальное время года. Город казался оживленным, но лишь на трех или четырех улицах в самом центре. Стоило свернуть в переулочки — тебя окутывали тишина и покой. Женя быстро обежала центр. Заглянула на еще один вокзал — тот так же удивлял своей архитектурой, но только уже более поздней, начала девятнадцатого века. Женя порадовалась чистоте вокзала и отсутствию толпы. Потом она записалась к салон красоты и, поскольку у нее оставалось полтора часа свободного времени, пошла гулять по прилегающим к центру улочкам.

Как только Женя свернула за угол, она увидела широкую, мощенную булыжником мостовую. По обе стороны проезжей части шли узенькие тротуары, вдоль них росли почти одинаковые липы. Такое впечатление, что все на этой улице произошло одновременно — домики под красными крышами построили, палисадники с дельфиниумом разбили, липы посадили, витиеватые колонки с водой поставили и покрасили в темно-зеленый цвет. Женя помнила, что московские улицы всегда были забавны в своем разнообразии — тут и деревянный домик, и особняк арт-нуво, и стеклобетон немыслимой высоты, лоскуты асфальта и зелень бесхозная, никем не посаженная, но выросшая и даже цветущая. Московские улицы были аляповаты и теплы в своей безалаберности. Улицы Дивноморска были уютны своей видимой прочностью и основательностью. И, казалось, не было исто-

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

рии длинной, военной, разбомбленной. Не было того времени, когда бывшие владельцы собрались в двадцать четыре часа и уехали, чтобы впредь не вернуться, никогда уже не сесть на свои диваны в вышитых накидках, чтобы пить кофе за основательными круглыми столами. Они уезжали, зарывая в огородах фамильное серебро, втайне надеясь откопать его по возвращении и передать старшей дочери в день свадьбы... Женя не спеша шла и заглядывала в сады — это было легко сделать, жители улицы отгородились от прохожих ажурными сетками. «Я только вчера была в Москве, а сегодня гуляю по этим незнакомым улицам. За что огромное спасибо Суржикову!» — подумала девушка и достала из сумки телефон. Она остановилась на перекрестке, встала под сень огромной липы и набрала номер Вадима Леонидовича.

— Здравствуйте, это Женя! Вам удобно сейчас разговаривать?!— закричала она.

— Евгения Ильинична, я вас отлично слышу, — голос Суржикова раздался совсем близко, словно он стоял за плечом Пчелинцевой.

— Извините, я думала, что тут плохая связь! Я звоню сказать, что прибыла на место, уже устроилась и выхожу на работу. И еще. Спасибо вам за такую помощь!

Женя, отключив мобильник, продолжила свою прогулку.

А в Москве Вадим Леонидович Суржиков посмотрел на телефон и усмехнулся. «Конечно, она

Босиком по краю моря

особа умная, энергичная, но Олегу прикурить даст! — подумал он. — Впрочем, может, ему после всех семейных разборок это и нужно. Так сказать, отвлечься». Вадим Леонидович бросил взгляд на рабочий стол и поморщился. Ему вдруг захотелось вот точно так же, как Пчелинцева, «свалить» из Москвы буквально на край земли. «Но куда тут свалишь — если доклад и... прочее», — вздохнул он.

Вадиму Леонидовичу Суржикову было сорок пять. Последние пять лет он ходил в «женихах», поскольку был в разводе. О том, что от него ушла жена, на кафедре, да что там — на факультете, знали все. И не уставали обсуждать, почему это произошло. Распространенное мнение, будто молодой, красивый, успешный преподаватель вуза неизбежно станет изменять жене со своими студентками, в отношении Суржикова «не работало». Суржиков вел себя в университете безукоризненно. Ни один, даже самый пристрастный, наблюдатель не смог бы его заподозрить в нарушении педагогической этики. Более того, на кафедре его даже упрекали в негибком и суровом отношении к студенткам.

— Вы бы помягче с ними. Это девушки взрослые, самолюбие у них... — говорили умудренные опытом седые дамы-преподавательницы.

— Отчего же тогда это самолюбие им позволяет получать неуды? — усмеялся Суржиков.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

Одним словом, загадка развода была своего рода вечной головоломкой — каждое новое поколение начинало свое обучение с вопроса, как же такой интересный, умный, прекрасно одетый мужчина оказался одиноким. Романы ему приписывали разные, но никто так точно и не знал, с кем Суржиков встречается и встречается ли вообще. Женя Пчелинцева, понаблюдав за Суржиковым, сказала своим близким подругам-однокурсницам:

— Ну, кто, скажите, выдержит такого зануду?! Ну, одет он хорошо и говорить умеет, да что с того? Он цепляется, как заноза!

Тая Коробицина усмехнулась:

— Женя, но он профессор МГУ! Он на симпозиумах и конференциях выступает! Из «ящика» не вылезает!

— Ну, положим, на телевидение не одного его приглашают — у нас на кафедре полно таких, — возразила Лена Титова.

Женя насмешливо поглядела на подруг:

— Девочки, ерунда полная! Это только поначалу интересно. Когда он тебя загрызет до костей, тебе будет наплевать, что он профессор и у него интервью берут. Понимаете, мужчина не должен быть дураком, жадиной и занудой. Тогда есть шанс ужиться с ним.

Подруги расхохотались:

— Женя, ну вы друг друга стоите. Тебя он, кстати, терпеть не может. Как и ты его.

Босиком по краю моря

— Да, мне он неприятен. Но как бы ему ни хотелось прицепиться ко мне — не получится. Я его предмет знаю на «отлично». Я знаю даже больше, чем он нам дает. Поэтому и враспloch он меня не застанет.

Да, все было так, как говорила Пчелинцева. Суржиков при каждом удобном случае делал ей замечания. Он беспощадно правил ее письменные работы, а после докладов засыпал провокационными вопросами. Но Женя удар держала. Она не только порой дерзила, ссылаясь в своих ответах на авторитет иных источников, не тех, которые были рекомендованы профессором, она всем своим поведением давала понять, что ее совершенно не волнуют придирки, поскольку она их относит на счет личного отношения, а не ее знаний.

— А личная неприязнь недопустима при оценке работы студента, — сказала она Суржикову, отвоевывая очередную отличную оценку.

Вадим Леонидович сам не понимал, почему так цеплялся к этой худющей брюнетке. Она всем своим видом напоминала ему узкие щипцы, которыми можно зубы драть. «Или нервы тянуть!» — бурчал про себя Суржиков после каждого столкновения с Женей.

Однажды он не выдержал и пожаловался куратору группы:

— Я считаю, что все же должен быть предел демократии. Понимаете, эта Пчелинцева ведет себя на грани неприличия. Иногда кажется, что сам не

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

замечаешь, как проглатываешь ее хамство! Надо что-то делать!

— А что же мы тут в деканате можем сделать, если жалуетесь на Пчелинцеву только вы один. Голубчик, найдите общий язык с этой пусть немного задиристой, но умной и талантливой студенткой! У нас таких не очень много. Бросаться такими выпускниками университету негоже. Мы должны держаться за них. Холить и лелеять, — отвечала со смиренной улыбкой Зоя Ивановна — куратор, преподаватель русского языка. Она недолюбливала пижона Суржикова с его теплыми яркими шарфами, коротенькими брючками и голыми щиколотками. Она отдавала должное — он был хорошим преподавателем, неплохим исследователем, свои научные работы он написал сам, будучи очень молодым, и они заслуживали самой высокой оценки. Но... Но Зоя Ивановна его не любила. И очень радовалась, что нашлась на курсе такая Пчелинцева, которую, судя по всему, тоже раздражает этот сорокапятiletний хипстер.

Суржиков ушел ни с чем. Пчелинцеву, оказывается, все любили. И никому не мешали ее упрямство, заносчивость и гонор.

На следующем занятии Вадим Леонидович попытался сменить тактику. Он похвалил без всяких «но» работу Жени, задал несколько вопросов и после ее ответа повернулся к аудитории и сказал:

Босиком по краю моря

— Вот пример безукоризненного ответа.

Пчелинцева нагло и победно усмехнулась прямо в глаза Суржикову. Тот ответил взглядом исподлобья, в котором отчетливо читалось объявление войны. Женя всегда сидела в первом ряду, и этот безмолвный диалог никто не заметил. «Ах ты, стерва! Не хочешь по-хорошему?! А чего же ты хочешь? Вот так бездумно, по настроению выпендриваться, поправлять меня, вступать в бесконечные споры?» — подумал Вадим Леонидович и тут же поклялся испортить Пчелинцевой остаток учебы.

Через мгновение прозвенел звонок. Перекрывая нарастающий гул, Суржиков сказал:

— Пчелинцева, будьте любезны, подойдите ко мне.

Женя не спеша собрала книги и подошла к кафедре. В аудитории, кроме них, уже никого не было. Суржиков перебирал стопки бумаг, Женя терпеливо ждала, пока он заговорит.

— Евгения Ильинична, ты бы взяла себя в руки!

Женя от неожиданности вздрогнула — сочетание имени-отчества с местоимением «ты» прозвучало криминально-пошловато.

— Понимаешь, мне на твои выходки наплевать. Это ты себе кажешься крутой и умной. А на деле ты еще дура. Маленькая дура, которая возомнила о себе невесть что. Тебе кажется, что твоя смазливая мордочка и школьный аттестат с пя-

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

терочками дают тебе право умничать на моих занятиях? Нет. Нос не дорос. Мне плевать на тебя. Но мне не наплевать на других. Ты им мешаешь. Пока я пререкаюсь с тобой, они не учатся. Они не могут получить то, что я обязан им дать. Поэтому прошу по-хорошему — заткнись на моих занятиях.

Суржиков это все говорил приятным, тихим голосом, улыбаясь. И жесты у него были спокойные. Со стороны могло показаться, что они культурно беседуют о чем-то.

Женя почувствовала, что у нее зашумело в ушах. И щеки стало покалывать, а руки сделались ледяными. Суржиков уже собрал все свои вещи и двинулся к выходу. Вдруг он обернулся и с презрением сказал:

— Рыдать собираешься? Правильно.

Он вышел. Женя осталась стоять у кафедры.

Домой она приехала поздно. Были еще лекции, потом семинар, после него Женя заставила себя сходить на репетицию в студенческий театр, затем еще прошла с Титовой и Коробициной до метро. И только потом, выдержав весь этот день, оставшись одна, она забрела во дворик дома за «Макдоналдсом», села на скамеечку, с минуту понаблюдала, как сует народ в узком переулке между Центральным телеграфом и закуской, всхлипнула и... Заплакать не смогла. В ушах стояло презрительное: «Рыдать собираешься?» И эти слова рыдать ей не позволи-

Босиком по краю моря

ли. А еще заплакать не получилось, потому что все дела, занятия, разговоры, случившиеся после хамства Суржикова, отвлекли ее, перевесили обиду и оскорбления. «Вот, прекрасное лекарство!» — подумала Женя.

Она сидела на скамеечке, продолжая наблюдать за прохожими, вдыхала городской весенний воздух и ни о чем не думала.

На следующее утро Суржиков читал у них сразу две лекции. Женя проснулась, как обычно, в ровном расположении духа — видимо, инстинкт самосохранения задвинул вчерашнюю историю на периферию души. Занятия были неизбежностью, их нельзя пропустить, сбежать. Не для Пчелинцевой эти истории с истериками и «гори оно все синим пламенем».

Женя тщательно оделась — обычные джинсы сменила на платье, надела невысокие каблочки и вопреки обыкновению подкрасила глаза и губы. Посмотрев на себя в зеркало, она добавила несколько легких браслетов на руку и серьги-подвески. Браслеты и серьги хорошо сочетались и, несмотря на громоздкость, были уместны теплым весенним днем. «А хорошо, что я так коротко стригусь, с сережками просто картинка получилась!» — порадовалась своему виду Пчелинцева.

— Ты сегодня идешь куда-то? — поинтересовалась мать, когда Женя вышла из своей комнаты.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Куда я могу идти? — рассмеялась Женя. — Сессия на носу. Поэтому я сейчас на лекции, потом на репетицию в нашем театре — и домой.

Мать покачала головой — дочь хотела успеть все, и ей это удавалось.

На факультете Женя произвела фурор.

— Пчелинцева, вот что значит эффект неожиданности. По-моему, никто тебя не видел в платье! — рассмеялся кто-то.

— Плохо смотрели, — рассмеялась Женя. Она вдруг пожалела, что решила так одеться и тем самым привлечь к себе внимание. Но вскоре все занялись обычными делами — кто-то дописывал работу, кто-то побежал «к Ломоносову» покурить, кто-то досыпал, устроившись на последних рядах. Женя с тревогой ожидала появления Суржикова. Ей казалось, что, увидев его, она опять переживет вчерашние неприятные минуты.

Суржиков появился с опозданием на пять минут, но это было единственное отклонение от обычного распорядка. Он так же, как и всегда, аккуратно разложил бумаги и тетради на столе, снял свои часы, положил их рядом с мобильником. Потом Вадим Леонидович покашлял, привлекая к себе внимание, дождался тишины и громко поздоровался. При этом он обвел всех веселым взглядом. Пчелинцева сидела на своем обычном месте в первом ряду по центру. Но так случилось, что ее постоянных соседок Коробицкой и Титовой на этой лекции не было, а потому

Босиком по краю моря

Женя оказалась на виду. И Суржиков задержал на ней взгляд. Похоже, он заметил все — яркое лицо, длинные серьги, которые касались плеч, загорелую шею. Он увидел, как необыкновенно красива сегодня Женя. И Вадим Леонидович... улыбнулся восхищенной и доброй улыбкой. Пчелинцевой показалось, что у нее галлюцинации, но нет, профессор смотрел на нее и улыбался. Так улыбаются мужчины, понимающие толк в красоте.

Пчелинцева растерялась и покраснела до слез, потому что она запуталась. Ей хотелось определенности в отношениях с этим человеком, которого она должна видеть каждый день и от которого зависит ее учеба. Она растерялась, потому что записала Суржикова во враги и относилась теперь к нему как к противнику. Но враги не смотрят с восхищением, не улыбаются так, словно гордятся вами. Женя опустила глаза, что-то машинально рисовала в тетради и очень хотела, чтобы никто не заметил происходящего. Но было поздно. Кто-то хихикнул, а кто-то пробасил:

— Да, Вадим Леонидович, Пчелинцева сегодня звезда.

Суржиков галантно склонил голову в сторону Жени и заметил:

— О, подобрать стильные аксессуары — это очень важно. Но не менее важно уметь думать, размышлять, грамотно говорить и писать. Вы — будущие телевизионщики. Для вас единство формы и содержания — это альфа и омега.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

Аудитория зашуршала, обрадовавшись разговорам не по теме. «То есть он считает, что вишюльки в уши я вдеть могу, а писать и ясно излагать свои мысли — нет?!» — подумала Женя и прежде, чем что-то сообразила, громко произнесла:

— Вадим Леонидович, вы — прекрасный педагог, и ваш пример у меня перед глазами. Надеюсь, что, глядя на вас, к диплому я не только научусь говорить колкости и подбирать шарфы к кроссовкам, но и освою какие-нибудь профессиональные навыки. — Тут Женя помолчала и добавила: — Если, конечно, мы все-таки начнем изучать основы тележурналистики.

В аудитории воцарилась тишина, все услышали, как кто-то, пропустивший самое интересное, громко зевнул. Женя хихикнула:

— А то вот спят уже на последних рядах.

Суржиков выдержал паузу. Так ничего и не ответив ей, он повернулся к доске и стал чертить схему взаимодействия зрительской аудитории и информационных каналов.

Через месяц началась летняя сессия. Женя сдавала один за другим зачеты и готовилась к экзамену у Суржикова. Их отношения остановились на точке замерзания. Оба друг друга игнорировали. Однажды в деканате ее остановила куратор Зоя Ивановна.

— Женя, как у вас с Суржиковым? — спросила она.

Босиком по краю моря

— В каком смысле?

— Во всех. Я знаю, у вас с ним отношения не сложились. Но имейте в виду, у него не только связи, у него и влияние. Самое обычное человеческое влияние. Он умеет быть убедительным. Но и вы же человек непростой. Характер у вас, — Зоя Ивановна улыбнулась, — знаете, Женечка, постарайтесь не обращать на него внимание.

— Я очень стараюсь. Поверьте мне, — сказала Женя.

— Вот и отлично. Знаете, он же приходил ко мне жаловаться на вас. Я сказала, что даже и не подумаю с вами на подобные темы разговаривать. Он взрослый человек и должен найти точки соприкосновения с любым студентом. И особенно с таким, как Женя Пчелинцева.

— Спасибо вам, — Женя вздохнула, — но с ним тяжело.

Она вдруг захотела рассказать о том случае, когда Суржиков так по-хамски с ней разговаривал. Но, посмотрев на трепетную Зою Ивановну, передумала: «Чего доброго, выяснять отношения с ним будет! Сейчас вроде чуть спокойнее стало». Женя еще раз поблагодарила куратора за участие и вышла.

Свой экзамен Суржиков обставлял как спектакль. Убранная и вымытая аудитория, вся мебель сдвинута к стенам, по центру каре стоят три парты, хотя Вадим Леонидович принимал экзамен строго по одному. Все действие начиналось ровно

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

в десять, и очередность соответствовала алфавиту. Среди прочих особенностей был список литературы, которым можно было воспользоваться на экзамене в качестве подсказки. Вадим Леонидович делал это из хитрости — такие своеобразные шпаргалки срабатывали, только если экзаменуемый хорошо знал основной материал. Так Суржиков убивал двух зайцев: и давал шанс, и заставлял читать литературу сверх учебного плана.

Пчелинцева всегда была ближе к концу, поэтому приезжать с утра не спешила. К тому же она не любила толпу и нервозность, которой студенты заражали друг друга. Женя так точно рассчитывала время, что появлялась ровно в тот момент, когда выходил предыдущий экзаменуемый. Подруга Лена Титова удивлялась:

— Как у тебя получается так вовремя приезжать?

— Суржиков — зануда. Или профессионал высшей пробы. Он спрашивает каждого студента не более пятнадцати минут. Я проверяла неоднократно.

В этот раз Жене хотелось отделаться как можно быстрее. Она вообще себе плохо представляла, как останется наедине с Суржиковым. Злость, обида, оскорбленная гордость периодически вспыхивали в душе, и тогда Женя часами мысленно вела с Суржиковым полемику.

— Как ты думаешь, он разрешит мне сдать раньше, не по алфавиту? — спросила она у Лены.

Босиком по краю моря

Титова была старостой группы и всегда «понимала» настроения в деканате и учебной части.

— Я попрошу за тебя. Я подойду и скажу, что ты будешь первой?

— Думаешь, он согласится? — Женя с надеждой посмотрела на Титову.

Пчелинцева помнила фразу, которую приписывали Черчиллю: «Если тебе суждено пройти через ад, сделай это как можно быстрее!» Экзамен у Суржикова, понятно, не ад, но и не удовольствие. Тем более учитывая сложившиеся отношения между студенткой и преподавателем.

За день до экзамена Лена Титова радостно общилась:

— Разрешил. Даже уговаривать не пришлось.

— Так он меня терпеть не может, ему тоже мало удовольствия ждать моего появления.

Титова снисходительно хмыкнула:

— Знаешь, вы друг друга стоите.

В день экзамена Женя оделась скромно, почти по-походному. Краситься не стала, но из духа противоречия воспользовалась любимыми духами «Эден». Маленький зеленый флакончик она всегда брала с собой, перекладывая его из сумки в сумку. На факультете было тихо — занятия уже закончились, экзамены были не у всех групп. Пчелинцева подошла к большой дубовой двери и постучала. Она даже не дала себе возможности перевести дух. Ей ответили громко:

— Входите, Пчелинцева.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

Женя удивилась, но потом поняла, что, кроме нее, ждать Суржикову больше некого. Она вошла. В нос пахнуло дорогим одеколоном, и, к своему удивлению, Женя увидела, что Суржиков одет в строгий темный костюм. Обычно он принимал экзамен в достаточно «свободной» одежде.

— Здравствуйте, — поздоровалась Женя.

— Доброе утро, — ответил Суржиков. Он поднялся, подождал, пока Пчелинцева подойдет к столу. Женя приготовилась услышать свое задание.

— Предпочтете отвечать устно или письменно?

Это тоже было «ноу-хау» Вадима Леонидовича, которое многие одобряли. Кому-то легче было сосредоточиться над листом бумаги, кто-то свободнее чувствовал себя в разговоре. Жене было все равно, как отвечать, о чем она сообщила Суржикову.

— Тогда вот вам задание... — начал было профессор, но тут Пчелинцева его перебила:

— А разве студент не должен сам выбрать тему?

Суржиков внимательно посмотрел на нее:

— Порядки здесь устанавливаю я.

— Для меня они особенные, видимо, — заметила Женя.

— Пчелинцева, вы...

— Можете звать меня Евгенией Ильиничной и на «ты».

Босиком по краю моря

Суржиков дернулся, было видно, что он не забыл ту историю.

— Вы переходите все границы, и не очень понятно, почему я должен это терпеть.

В аудитории повисла тишина. Женя по-прежнему стояла перед Суржиковым.

— А вы знаете, думаю, надо положить этому конец. Вы не можете остановиться. Вам неведомы границы, вы плохо воспитаны.

— Это не имеет отношения к учебе. Я имею право сдать экзамен, а не допустить меня вы можете только по причине несданного зачета или общей неуспеваемости.

Вадим Леонидович вскочил из-за стола и вышел из аудитории. Женя пожалала плечами и села за один из столов. Она сама не понимала, почему этот конфликт, в котором не было никакого смысла и не крылось никаких тайных интересов, не мог прекратиться. Она сознавала, что надо остановиться, но не могла забыть тот тон, которым тогда разговаривал с ней Суржиков. Она помнила ту пошлость и вульгарность, и в ее представлении эти качества «переходили» на нее. Словно она настолько вульгарна, что с ней можно разговаривать подобным образом и сделать вид, будто ничего не произошло, она не могла.

Суржиков вошел в аудиторию внезапно и стремительно. Не глядя на Женю, произнес:

— Прошу вас сейчас же зайти в учебную часть. К моему экзамену вы не допущены.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

Пчелинцева вскочила. Она ожидала чего угодно, но не такой мелочности и мстительности. Она молча поднялась и вышла из аудитории.

В учебной части ее ждали декан, куратор Зоя Ивановна и Белла Аркадьевна Жерех. На факультете она читала малозначащую дисциплину, но зато была во всех комиссиях, президиумах и комитетах. Еще она любила поучаствовать в показательных «порках». «Старожилы» корпуса на Моховой не помнили, чтобы Белла Аркадьевна за кого-нибудь заступилась. Вот и теперь она сидела с видом суровой озабоченности.

— Здравствуйте. — Женя вошла в сумрачную комнату. Здесь не висели жалюзи, как везде, а были плотные портьеры. Жене казалось, что они ровесники самого университета.

— Пчелинцева, думаю, вам стоит подождать в коридоре... — начала Белла Аркадьевна.

— Ну зачем же, — тут же возразила Зоя Ивановна, — не будем томить человека.

Она зашла в кабинет к декану, и через пару минут все уже сидели за длинным столом. Декан оторвался от бумаг на столе, кашлянул и произнес:

— Что же вы, Пчелинцева, так себя ведете? Это же просто хулиганство какое-то!

Женя промолчала. Она не знала, как объяснить свое отношение к Суржикову. Вроде бы начиналось все с пустяка — со споров на лекциях.

Босиком по краю моря

— Извините, вы позволите мне высказать свое мнение? — Белла Аркадьевна с готовностью, словно копье, выставила остро заточенный карандаш.

Декан кивнул, но без явного энтузиазма.

— Пчелинцева наплевала не только на правила приличия, она низвела традиционно уважительные отношения между преподавателем и студентом. Это вопиюще плохой пример...

— Извините, давайте не будем забывать, что мы не знаем всех подробностей данного конфликта, — мягко сказала Зоя Ивановна, — а то, что это конфликт, сомневаться не приходится. Должна заметить, конфликты просто так не возникают. И, призывая Евгению к спокойствию, я бы хотела разобраться в сути проблемы. Мы должны поговорить с Вадимом Леонидовичем.

— Вы предлагаете отчитываться профессору кафедры, уважаемому преподавателю?! Мне кажется, что тут и обсуждать нечего. Пчелинцеву надо наказать, чтобы эта манера вести себя не получила распространения.

— Евгения, что вы, право, так разгорячились. Вадим Леонидович тут нам такое порассказал... — сказал декан и развел руками

— Я постараюсь быть сдержанной....

— Понимаете, вас даже по углам развести нельзя. У нас только Суржиков читает этот курс. Хочешь — не хочешь, а придется уживаться, — вздохнул руками декан.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Я все понимаю. Я постараюсь.

— Вот и хорошо. Вы уж с ним как-то уважительнее, — обрадовался декан. Все знали, что ему не нравилось разбирать конфликты.

— Я постараюсь. Но что с экзаменом делать? Вадим Леонидович меня не допустил до экзамена.

— У вас хвосты по его предмету? — нахмурился декан.

— У меня отлично по всем предметам. Без исключения, — скромно сказала Женя.

— Да, у Пчелинцевой с успеваемостью все замечательно, — поторопилась подтвердить Зоя Ивановна.

— Я считаю, что студент должен знать свое место. Потом, Пчелинцева, что за история с календарем? Вы там одна из самых активных участниц... Порнографический календарь! С лозунгами политическими...

— Ну, это уже другой вопрос! — Декан поднялся со своего места. — Простите, у меня встреча.

Выйдя из кабинета декана, Белла Аркадьевна воскликнула:

— Как можно быть такой неблагодарной! Вадим Леонидович с такой душой ко всем вам относится!

— Не надо с душой относиться, надо по-человечески, — огрызнулась Женя.

— Вы слышите?! — Жерех повернулась к Зое Ивановне. — Вот благодарность за милосердие.

Босиком по краю моря

А вы ее защищаете! Она же просто не умеет себя вести!

— Белла Аркадьевна, я — отличница. Ко мне как к студентке этого вуза не может быть претензий! Я не грублю, уважаю старших и своих однокурсников. Но я не виновата, что Вадиму Леонидовичу не нравится, когда его студенты имеют собственное мнение!

— Какое мнение?! При чем тут мнение?! Вы же огрызаетесь все время! Даже сейчас, когда вас чуть не выгнали!

— Меня?! Чуть не выгнали?! За что? За отличную успеваемость и посещаемость? За активное участие в жизни факультета? За публикации в различных изданиях?! За что меня можно выгнать?! И у вас не получится сделать меня виноватой, как бы вам ни хотелось! А если человек идет преподавать студентам, он должен понимать, что идет учить взрослых людей, а не глупых дошкольников! Это к Вадиму Леонидовичу относится. Это как с известными артистами — публичности и славы хотят, а критику выслушать — ни в коем случае! — Пчелинцева даже поперхнулась от гнева.

— Ах, Женя, Женя! Что ж вы так... — Зоя Ивановна даже сморщила лицо. — Ну, не надо так горячо. Спокойнее. Никто вас не отчислит! И не собирались. Просто вы с Вадимом Леонидовичем не сошлись характерами! Так бывает! Но надо пойти навстречу... И, конечно, помнить, что он не одно-

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

курсник ваш, с которым можно спорить в любой тональности. Он — преподаватель!

Белла Аркадьевна театрально покачала головой и удалилась.

— Так, — с облегчением вздохнула куратор, — пойдемте к Суржикову. Только держите себя в руках!

Перед аудиторией было полно студентов. И каким-то чудом все узнали, что Пчелинцеву не допустили до экзамена.

— Простите, но зайдем не по алфавиту и не по очереди, — сочла нужным пояснить Зоя Ивановна, — дело срочное.

Она всегда была вежлива со студентами.

Народ расступился, и Женя с куратором зашли в аудиторию.

Суржиков уже ставил оценку в ведомость.

— Вот, вы свободны. Порадовали меня сегодня. — Он с какой-то отеческой интонацией обратился к только что сдавшему экзамен.

Когда студент вышел из аудитории, Суржиков встал и вопросительно посмотрел на Зою Ивановну:

— Эта студентка еще у нас учится? Ее не отчислят за хамское поведение?

Брови Суржикова взметнулись вверх.

— Вадим Леонидович, декан просил вас допустить нашу отличницу к сдаче. Беседа проведена. Евгения признает, что в процессе обсуждения интересных ее тем была излишне эмоциональна.

Босиком по краю моря

Суржиков усмехнулся:

— Свежо предание...

— Пчелинцева, пожалуйста, оставьте нас буквально на пару минут, а потом зайдите для сдачи экзамена. — Зоя Ивановна со значением посмотрела на профессора. Тот развел руками. Пчелинцева вышла.

— Вадим, что ты к ней прицепился?! — накинулась на Суржикова Зоя Ивановна. — Ты себя на втором курсе не помнишь?! Что ты вытворял на зарубежной литературе, Клавдия Семеновна рыдала от твоих выходов! И Фауст, прости, говно, и Байрон — фигня! И доказывал, что какой-то там давно забытый немецкий поэт Шоер — действительно гениален! И читал его стихи, и спорил до хрипоты с преподавателем.

Профессор смутился — Зоя Ивановна была намного старше его и работала на факультете тогда, когда Суржиков был студентом.

— Я помню, чем это кончилось. Ты просил устроить коллоквиум, чтобы обсудить творчество этого самого Шоера в рамках изучения курса европейской литературы восемнадцатого века. Устроили. Ты выступал. Все восхищались, как ты смог отыскать этого поэта в книгохранилище. Одна-единственная книжка в Ленинке, на руки не дают. Ты распечатал стихи на листах и раздал их в группе. Клавдия Семеновна подробно разобрала стихи, участвовала в разговоре. Даже что-то припомнила из биографии

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

этого немецкого поэта. А потом... Ты помнишь, что было потом.

Суржиков покраснел.

— Ага! Забыл! Или хочешь забыть! А я помню. В разгар бурных дебатов, когда все с увлечением обсуждали «изящество рифмы», а Клавдия Семеновна сказала, что еще появятся ученые, которые откроют Шоера широкому читателю, ты громко и ясно признался, что поэта выдумал, а стихи сочинял сам. Что врал, будто это переводы. Ты обманул и выставил на смех преподавателя, которая устала от твоего напора и, может, засомневалась, но, как всякий думающий и доверчивый человек, решила, что не может все знать. И даже что-то придумала о нем, сочинила какой-то факт его несуществующей биографии. Дабы... не ударить в грязь лицом перед студентами... Слабость, да. Но такая позволительная для пожилого педагога.

— Но стихи оказались хорошими!

— Для малоизвестного немецкого поэта восемнадцатого века? Да, они оказались вполне хороши. Дурным оказался поступок! Тебя, Вадим Леонидович, простили. Хотя твой поступок был скверным. Ты сверстникам мог морочить голову, хотя и это плохо. Но с преподавателем так поступать... Знаешь, мне иногда кажется, что Пчелинцева послана тебе как возмездие и наказание за ту твою историю и за обиду, которую ты нанес милейшей и очень компетентной Клавдии Семеновне.